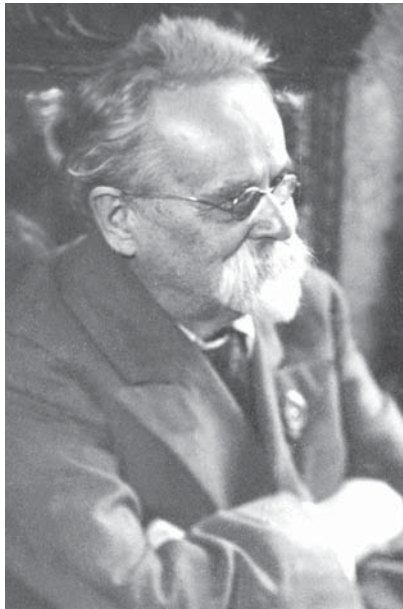

Ломоносов летт совсем недавних

Н. Н. Сотников

Удивительнейшие бывают в истории совпадения: в тот день 30 июля 1946 года, когда родился автор этих строк, в поселке Борки Ярославской области скончался человек, которого мы по праву можем назвать Ломоносовым XIX и XX веков. И датировка эта сомнения не вызывает, ибо прожил на свете Николай Александрович Морозов 92 года! При этом он работал до последнего мига своей жизни. Правда, список долгожителей столь почтенных можно продолжить: это и классик бразильской и мировой литературы Жоржи Амаду, и классик исландской и мировой литературы Халдор Лакснес, и наш корифей, писатель и академик Леонид Леонов, и величайший Гете, который незадолго до своего 82-летия завершил вторую часть «Фауста», а в самый последний день своей жизни залпом прочитал французскую книгу о революции в Париже 1830 года, и 87-летний академик Павлов, и, скажем, наш несравненный карикатурист Борис Ефимов, который открывал свою юбилейную выставку в 100 лет, и 100-летний хирург Ф. Углов. Все это так, но все они не сидели почти 30 лет в могильных казематах Петропавловской крепости и в крепости Шлиссельбургской!

Химик, математик, астроном, языковед, полиглот, знавший 11 языков, историк, геофизик, астрофизик, метеоролог, воздухоплаватель, основатель аэрофотосъемки, философ, знаток политической экономии, публицист, директор Естественнонаучного института имени Лесгафта, прозаик, поэт, а самое главное – революционер-народоволец, которого не сломили никакие испытания, феноменально трудолюбивый и обаятельный человек, которого знали и ценили Карл Маркс, В. И. Ленин, Лев Толстой, Илья Репин, написавший четыре его портрета, химик Д. И. Менделеев, историк Е. В. Тарле... Я перечисляю только звезд первой величины XIX и XX веков. Причем самое интересное, что все

Фотография 1939 г. получена автором статьи из музея-усадьбы Н. А. Морозова в Борках Ярославской области

его признавали за «своего»: историк Н. М. Никольский спорил с ним по поводу его ошеломляющей гипотезы о сдвиге хронологии истории человечества на несколько веков, химик Д. И. Менделеев ходатайствует о присуждении ему степени доктора химических наук без защиты диссертации по совокупности трудов, биолог и физиолог, теоретик физкультуры и спорта П. Ф. Лесгафт поручал ему руководить кафедрой астрономии в своей Высшей вольной школе в Петербурге; его считал своим соратником и коллегой К. Э. Циолковский, его высоко ценили братья Вавиловы; физик Курчатов подтверждал его физические гипотезы; своим коллегой по литературному перу его считали Валерий Брюсов, Владимир Короленко, Владимир Гиляровский...

Сохранилась славная фотография гостей на знаменитых средах в репинских Пенатах. Хотя все по возможности готовятся к съемкам и ощущают на себе «взор» фотообъектива, видно, что в центре внимания именно Н. А. Морозов. Все

взгляды были обращены к нему, и только фотосъемка, в ту пору довольно долгая процедура, заставила их перегруппироваться. Глядя на Морозова, никак не скажешь, что этот человек почти три десятилетия видел только клочок неба в тюремном окне. Но он сидел не в тюрьме, а во Вселенной, постигая ее тайны, постоянно обогащая свою память, изучая науку за наукой, язык за языком... Одна только библиография его публикаций представляет собой брошюру почти в сто страниц, в ней только сочинений самого Морозова около четырехсот!

Нельзя сказать, что о нем не писали, в том числе и книги. Есть очень основательное историческое исследование В. А. Твардовской «Н. А. Морозов в русском освободительном движении» (не удивляйтесь «сходству» фамилий – это действительно дочь нашего выдающегося поэта и литературного деятеля А. Т. Твардовского), есть очень обстоятельная книга Б. С. Внучкова «Узник Шлиссельбурга» (однако она вышла в Ярославле и есть далеко не в каждой даже крупной библиотеке). Я уже не говорю о книге философа С. М. Жданова «Н. А. Морозов» на украинском языке, да еще тиражом 1100 экземпляров!

Поэтому можно сказать смело – мы и знаем о нем и почти не знаем его: труды и сочинения ученого и литератора давно не переиздавались, широкому кругу читателя почти все недоступно. А о некоторых сторонах его дарования (например, он был выдающимся популяризатором науки и лектором: только за период с 1908 по 1916 год он выступал в 54-х городах, в том числе на Украине, в Сибири и на Дальнем Востоке!). Почти никто не знает о его журналистской, военно-корреспондентской деятельности в годы Первой мировой войны: шестидесятилетний недавний узник страшнейших тюрем сам, добровольно отправился на фронт как представитель либеральной газеты

«Русские ведомости». Его журналистские произведения составили сборник «На войне. Рассказы и размышления», вышедший в свет в Петрограде в 1916 году.

Вот такой феномен! Работая над морозовской темой в продолжение трудов своего отца, автора документальной повести «О чем рассказали звезды», я отправил письмо в дом-музей Морозова в Борках. В 1991 году мне пришел любезный ответ директора музея Т. Г. Захаровой, которая подтвердила, что в музейных фондах есть машинописная копия девяти страниц на машинке (а у меня – 19 страниц) из Архива Академии наук СССР (ныне – Российская академия наук, РАН) записи беседы моего отца Н. А. Сотникова с Н. А. Морозовым для кинолетописи 15 апреля 1941 года и фотографии с трех кинокадров кинохроники от 23 апреля 1941 года (Морозов с женой Ксенией Алексеевной проживал в своей ленинградской квартире по адресу: улица Союза Печатников, 25а), есть и сама киноплёнка.

Вероятно, речь идет о второй встрече отца с Морозовым, спустя, как я теперь подсчитал, семь лет, однако главной, наиболее содержательной беседой отец считал первую, а про вторую в своих устных рассказах даже не упомянул.

Не исключаю возможность, что было три фильма, как говорят в таких случаях кинодокументалисты, «три сюжета» – поболее от 1934 года, покорооче от 15 апреля 1941 года и совсем короткий, хроникерский – от 23 апреля того же года. Знаю, что отец в ту пору был очень занят на «Ленфильме» как автор сценария фильма о композиторе, авторе «Интернационала» Пьере Дегейтере, и штатной работой на «Леннаучфильме» как заведующий сценарным отделом. С кинохроникой он мог сотрудничать лишь внештатно, как автор.

Очень хочется увидеть кинокадры с Морозовым, но ведь надо для этого специально ехать в Борки, в музей!

...Когда вы будете проходить по улице Союза Печатников, обратите, пожалуйста, внимание на мемориальную доску на доме 25а: «Здесь жил и работал с 1906 по 1941 год революционер и ученый, почетный академик Николай Александрович Морозов (1854–1946)».

Н. А. Морозов – авиатор

И под конец сенсация! 88-летний Н. А. Морозов в 1942 году из Борков вызвался прочесть ряд лекций бойцам и командирам Волховского фронта, которые встретили его очень уважительно и радушно: с удовольствием выслушали его беседы и уступили его странной просьбе пройти по траншеям как можно ближе к передовой. При этом он что-то прятал за пазухой... Когда его привели на исходный рубеж и он заметил фашистских солдат на расстоянии выстрела, то выхватил из-за пазухи какой-то странный большущий пистолет с оптическим прицелом и уложил наповал несколько фрицев!

Оказывается, это тот самый пистолет, который он, народоволец, предназначал сперва для Александра II, а затем для Александра III, люто ненавидевшего Морозова-Щепочкина (по настоящему отцу, а не крестному) за то, что против него вступил в непримиримую

борьбу его родственник: ведь прадед Морозова был женат на Е. А. Нарышкиной и находился в близком родстве, соответственно, с самим Петром Первым!

Вот какие невероятные сюжетные ходы рождает история!

А теперь несколько слов непосредственно о том, как создавалась кинолетопись 1934 года.

Напомню читателям, что тогда не было ни телевидения, ни видеозаписи, но запечатлеть в памяти потомков кинокадры с выдающимися деятелями науки, литературы и искусства было так заманчиво! И вот на каком-то очень высоком уровне принимали решение снять несколько фильмов не для показа, а, так сказать, впрок. Среди кинематографистов, которым была доверена эта работа, был мой отец.

С Н. А. Морозовым литератор и сценарист нашли общий язык быстро, миром кино Морозов, как выяснилось, увлекался (чем только не интересовался этот Ломоносов и Леонардо да Винчи XIX–XX веков!), а чисто по-житейски он оказался очень покладистым, дружелюбным человеком, очень гостеприимным и даже хлебосольным хозяином. Напомню, что время съемок было нелегким – еще не были отменены карточки, но к приходу съемочной группы на квартиру к Морозову стол уже ломился от такого изобилия съестного, что, как с юмором вспоминал отец, «все наши от увиденного лишились дара речи и чуть не попадали в голодные обмороки!» Заприметив некое замешатель-

Н. А. Морозов в своем летнем рабочем кабинете в Борках. Фото 1939 г.

ство, чуткий и очень добросердечный герой будущей киноленты сразу же предложил всем помыть руки и «откушать с дороги».

На столе были овощные блюда, грибы разных видов, птица, телятина! Предваряя вопросы, Морозов, добродушно посмеявшись, представился всем еще раз: «Перед вами последний советский помещик! Наследственное

имение Борки превращено в совхоз, но личным указом Ленина часть разнообразной сельхозпродукции поставляется мне в виде натуральной платы. Так что мои продовольственные траты сведены к минимуму и... (тут Морозов сделал торжественную паузу!) я могу львиную долю своих денег тратить на книги (тут он замедленным, немного театральным,

но несомненно искренним жестом показал на тысячи томов своей библиотеки)».

Работала группа споро, с увлечением. Морозов, как мальчишка, увлекся новой для него техникой, крутил всякие ручки, наводил объектив на резкость, и все изумлялись тому, сколько жизней прожил этот удивительный человек!

«ПУСТЬ МОЙ ТРУД ОСТАНОВКИ НЕ ЗНАЕТ...»

БЕСЕДА, СОСТОЯВШАЯСЯ С Н. А. МОРОЗОВЫМ В ЛЕНИНГРАДЕ В 1934 ГОДУ

Н. А. Сотников: *Расскажите, пожалуйста, Николай Александрович, о вашем прошлом.*

Н. А. Морозов: Это довольно трудная для меня задача, потому что я никогда не думаю о прошлом. Мне кажется, что думать о прошлом может только тот, кому нечего делать в настоящем. А у меня в голове всегда какие-то замыслы, что-то мне всегда в голову приходит. Я думаю не только днем, но и, просыпаясь, ночью. Разные идеи приходят. Все эти идеи относятся или к настоящему времени, или к будущему, к перспективам. А в прошлое мне просто некогда заглянуть.

Н. А. Сотников: *У вас две жизни – революционера и ученого...*

Н. А. Морозов: И все-таки они связаны неразрывно. Когда я еще гимназистом был, все мои интересы носили научный характер. Каждый учебный год мы получали новые учебники. Мои соученики читали гимназические учебники медленно, маленькими порциями, по мере того как учителя задавали урок, преподносили новый материал. А я в первые же дни прочитывал этот учебник до конца, просто из интереса. С самой ранней юности все мои помыслы были о науке. Я мечтал работать для науки и во имя науки. Еще будучи гимназистом, я бегал на университетские лекции, посещал университетский музей, принимал участие в географических экскурсиях для сбора окаменелостей...

Но вот эта полоса моей жизни резко прерывается. Я как человек мыслящий не мог не думать о противоречиях окружающей жизни, не мог не сравнивать окружающую жизнь с тем, что мне представлялось справедливым.

Прежде всего меня поразило следующее. Я знал из учебников космографии, что мир образовался постепенно, что были разные географические периоды, что все это продолжалось миллионы лет, и вдруг мне в гимназии твердят, будто мир создан Богом за шесть дней!

Я уже знал, что гром и молния есть явления электрические, и вдруг вижу в церкви икону Ильи-пророка на колеснице, мечущего гром и молнию.

Все эти противоречия, которые преподносились нам церковью, навязывались нам в катехизисе и Священной истории, дали мне почувствовать, что кругом меня господствует какая-то ложь.

И в политическом отношении я знал государства, управляемые выборными представителями, а в церкви то и дело слышал: «Благочестивый император наш и весь царский дом». Нам внушалось, что царь – помазанник

божий, что деятельность царя зависит не от воли народа, а от милости божьей.

Все это привело меня к критическому отношению к нашему российскому образу правления.

В ту пору началось студенческое движение в народ – ведь шли 70-е годы минувшего века. Я как бегавший в университет был знаком со многими студентами. Когда среди них началось движение в народ, я принял в нем участие. За это меня исключили из гимназии, и я вынужден был скрываться, перешел на нелегальное положение. Естественно, что в таком положении заниматься науками я не смог, и я целиком бросился в революцию.

С гимназических лет я уже писал статьи и стихотворения на лирические и политические темы. Сыграло свою роль и движение в народ, знакомство с крестьянством, с народом. Вот я и отправился за границу, чтобы редактировать там журнал «Работник». С этого началась моя настоящая революционная деятельность.

Однако жизнь за границей, в эмиграции, меня мало удовлетворяла. Я чувствовал, что мои товарищи гибнут один за другим, и меня потянуло в Россию. Я поехал обратно, чтобы разделить участь товарищей. И уже на границе был арестован, посажен в предварительное заключение, где и провел три года.

В эту пору друзья и знакомые, оставшиеся на свободе, приносили мне много книг для чтения. И тут я впервые стал работать над своим самообразованием. Книги были по преимуществу по политическим вопросам. Тогда же я впервые прочел труды Карла Маркса и убедился в том, что со времени выхода его книг прежняя политическая экономия, по Адаму Смиту и другим, уже отошла в прошлое.

И тут я сделался, пожалуй, первым сторонником Карла Маркса в тогдашней России.

Затем меня судили вместе со 192 товарищами. Это был знаменитый процесс «ста девяносто трех». Так как за мною ничего особенного найти не могли, то объявили меня участником тайного общества.

Как только меня выпустили, учтя мое трехлетнее заключение, я понял, что в покое меня не оставят, и поэтому сразу же перешел на нелегальное положение. Вот тогда-то я и познакомился с Софьей Перовской и с другими народолюбцами. Отнеслись ко мне они серьезно благодаря тому, что за мной уже было революционное прошлое.

В это время вышли в свет мои книжки стихотворений, которые распространялись нелегально. Однажды

вместе с Клеменцом и Кравчинским мы присоединились к прежнему обществу «Троглодит», которое образовало общество «Земля и воля». Редакторами журнала этого общества были выбраны Клеменц, Кравчинский и я. Этот журнал просуществовал до весны 1879 года. Мы успели выпустить всего несколько номеров. Весной среди нас начались разногласия. Одним, в том числе и мне, казалось, что прежде всего нужно свергнуть самодержавие, и тогда народ сам выберет тот образ правления, который он пожелает. Свержение самодержавия было нашей основной задачей.

Другие товарищи пришли к заключению, что политическая реорганизация нашего государства не приведет к улучшению жизни рабочего класса и что нужно прежде всего обратить внимание на экономические вопросы, на передел земель между крестьянами, на то, чтобы рабочие участвовали в прибыли капиталистов и, в конечном счете, взяли фабрики и заводы в свои руки.

Эти разногласия отозвались на всей нашей деятельности. В конце концов, чтобы выяснить наши позиции, был созван сначала Липецкий съезд, где собрались будущие народолюбцы, а потом – Воронежский съезд, на который мы приехали с черными передельцами.

Народники утверждали, что наша политическая деятельность мешает уделять должное внимание крестьянству, а мы считали, что облегчить положение крестьян при существующем общественном строе невозможно.

В результате и произошло разделение наших рядов на «Черный передел» и «Народную волю». Наиболее видными деятелями в «Народной воле» стали Алексей Михайлов, Софья Перовская, Желябов, а в «Черном переделе» – Дейч, Стефанович, Плеханов, Вера Засулич. С тех пор наша деятельность пошла независимо друг от друга. Моя роль в этой деятельности выражалась в том, что я сделался вместе с Клеменцом и Кравчинским редактором «Народной воли». Плеханов возглавил газету «Черный передел».

Типография «Народной воли» была арестована в январе 1880 года, и товарищи предложили мне снова поехать за границу, чтобы там редактировать толстый революционный журнал. Вернее назвать его альманахом.

За границей я очень быстро с помощью нескольких русских эмигрантов организовал это издание. Первой книжкой вышла «Парижская коммуна», второй – «Мечты всеобщего социализма» Шабли. Когда дошла очередь до третьего выпуска, я захотел напечатать что-либо из произведений Карла Маркса. С этой целью я отправился в Лондон, где и встретился с Марксом.

Маркс жил тогда в предместье Лондона, в небольшом хорошеньком белом домике, к которому нужно было ехать частью подземной дорогой. Первый раз я поехал к Марксу с моим товарищем Гартманом, который жил в Лондоне и был хорошо знаком с Марксом.

Когда мы подошли к домику Маркса, Гартман ударил три раза молотком в дверь, как это тогда полагалось. Нас встретила молодая девушка, которую Гартман по-английски спросил:

– Мистер Маркс дома?

Она по-английски ответила:

– Нет.

В это время вышла дочь Маркса Элеонора, молодая стройная девушка, и обратилась к Гартману как к хорошему знакомому. Разговор у нас шел по-английски, но

так как я английским языком владел плохо, то в первой же фразе я употребил несколько французских слов. После этого Элеонора сразу же перешла на французский. По-французски наш разговор пошел сразу же раскованнее и свободнее.

Элеонора нам сообщила, что отец ушел заниматься в читальный зал Лондонского музея, вернется он поздно вечером, но завтра будет дома и будет рад нас видеть.

На следующий день мы были в назначенный час у него в гостях. Маркс тогда имел совершенно такой же вид, как вы можете себе представить по портретам. Это ведь были портреты того времени, тех лет. Я ему, помнится, так и сказал: «Как вы похожи на свои портреты!»

Маркс засмеялся и тотчас парировал:

– Очень странно находиться в положении, когда люди похожи на свои портреты, а не портреты на людей.

Потом Маркс стал расспрашивать меня о «Народной воле», о нашей деятельности и сказал, что придает большое значение нашей организации. По его мнению, в Западной Европе такая деятельность была бы совершенно невозможна, а начавшись у нас, она может привести к восстанию пролетариата в Западной Европе и таким образом послужить сигналом для мировой революции.

Общее впечатление о Марксе у меня сложилось такое. Он на меня произвел впечатление человека, понимающего свое значение в науке. Манеры его были профессорские. Держал он себя с достоинством, но просто и раскованно. Вообще, это был человек, полный достоинства и уверенности в своем значении. Со мной он держался очень приветливо. Видно было, что он от души сочувствует нашему делу.

Когда я попросил Маркса какую-либо из его работ для перевода в России, то он выразил готовность сам отобрать нужные книги и предложил мне прийти на следующий день.

Второй раз я пришел к Марксу без Гартмана. Маркс дал мне с десяток своих различных небольших книжечек, в том числе и «Коммунистический манифест».

Принимали нас в доме у Карла Маркса очень приветливо. Мы у него пили чай с бисквитами. Элеонора принимала живое участие в нашем разговоре. Маркс с дочерью вызвались проводить меня до станции железной дороги, которая была в полукилометре от их дома. Здесь мы и простились. Когда поезд тронулся, мы замахали друг другу платочками.

Дорогой я стал изучать произведения Маркса и пришел к выводу, что лучше всего начать с «Коммунистического манифеста». Об этом я и рассказал товарищам, вернувшись в Женеву. Они с этим согласились и сейчас же начали переводить текст «Манифеста». Но раньше, чем мы успели завершить перевод, я получил письмо от Софьи Перовской. Было это в декабре 1880 года. Она писала, что назревают чрезвычайно важные дела и мое присутствие в России необходимо. Просила меня приехать при первой же возможности. Я немедленно собрался и отправился в путь железной дорогой. При переезде через польскую границу я был арестован и посажен сперва в Сувальскую тюрьму, а потом в Варшавскую цитадель. При аресте я назвал себя студентом Женевского университета Лакьером, так как у меня был паспорт моего друга студента Лакьера. Однако мне не поверили. Вскоре меня перевезли в Петербург и посадили в дом предварительного заключения, где меня сразу же узнали.

В то время, как я сидел в Варшавской цитадели, произошло убийство Александра II. Узнал я об этом от моего товарища, соседа по заключению, польского революционера Бальницкого.

Тут я решил, что жизнь моя кончена – смертной казни не миновать. Стал внутренне к ней готовиться. Но мои товарищи, которые непосредственно участвовали в покушении на убийство Александра II – Желябов и Перовская, – стали впереди меня перед лицом смерти. Сначала судили их. Пять человек приговорили к смертной казни. Казнили. А затем, почти через год, судили девятнадцать народовольцев и меня с ними. Тех из них, кто принимал непосредственное участие в различных покушениях и вооруженных действиях, приговорили к смертной казни. А меня как сотрудника журнального, пропагандиста, литератора – к бессрочному заточению в крепости.

Приговор к пожизненному заключению сначала привел меня в полное недоумение. Я этого никак не ожидал. Поразмыслив, я почувствовал, что у меня начинается какая-то другая, новая жизнь, что я еще могу что-нибудь сделать в будущем.

Я надеялся, что меня отправят на каторгу в Сибирь, но надежды мои не сбылись. Не прошло и двух-трех недель после вынесения приговора, как вдруг ночью дверь в мою камеру отворилась, и в камеру с шумом ворвалась толпа жандармов вместе со смотрителем. Они принесли мне куртку, арестантский костюм и приказали раздеться. Когда я надел серую куртку, нацепил такие же серые башмаки, два жандарма подхватили меня под руки и в сопровождении остальных участников ночного дозора потащили меня во двор. Я думал, что меня сейчас начнут пытать, чтобы я дал какие-то новые нужные им показания, так как на судебном заседании показания давать отказался и лишь заявил, что признаю себя революционером, а любые показания революционера могут нанести вред его товарищам и соратникам по борьбе.

Так вот, тащат меня по коридору... Внезапно сбоку открывается какая-то маленькая дверь. Мы устремляемся туда. Ночной стылый мрак. Зима. Впереди вырастает какая-то стена. Вижу, сверху валят хлопья снега. Увидел я снег, и сразу как-то на душе покойнее стало. Очень я с детских лет любил зимнюю пору!.. А между тем меня продолжают тащить между зданиями по каким-то узким переходам. На нашем пути возникали ворота, которые будто бы сами отворялись и пропускали нас, а потом вновь затворялись. Вытащили меня из бастиона. Я увидел перед собою берег реки, мостик и дальше – невысокое здание. Я сразу понял, что это Алексеевский равелин. Меня втащили в коридорчик, тоже тускло освещенный. Вдали стоял часовой с пашкой через плечо. Сбоку от него шел ряд дверей. Одна из этих дверей отворилась при нашем приближении, и меня туда ввели. Оказалось, что это камера. Новый мой смотритель заявил мне: «Сюда входят, но отсюда не выходят. Это хуже смертной казни. Никаких книг, никакой переписки и никакого выхода».

Затем смотритель ушел, и я остался один. Осмотрелся. Обнаружил кровать, одеяло. Я скорей лег, закутался в одеяло, чтобы согреться. И, как ни странно, довольно быстро уснул, несмотря на весь ужас пережитого и страшный, почти могильный холод моего нового жилища.

Когда я проснулся, дверь отворилась, и мне принесли завтрак: чай в стакане, сахар и булочку. Я страшно удивился: нам ведь кроме черного хлеба в крепости ни-

чего не давали и вдруг такая роскошь! Потом, смотрю, приносят обед: курица, суп и даже бисквит! На ужин опять чай (два стакана!) и опять булочку.

В первый же «алексеевский» день я успел простучать в стену камеры и познакомиться с соседями. Мне ответил товарищ по процессу – Фроленко. Рядом, говорит, – Исаев, Триголин... Когда день кончился, Триголин мне передает: «Неужели нас всегда так кормить будут?» Но не прошло и двух дней, как приносят нам вместо чая простой кипяток и кусок черного хлеба, а на обед – пустые щи, в которых плавают несколько лепестков капусты, и кашу на простом масле. На ужин – опять же кружку кипятка и черный хлеб.

Как оказалось, нас не знали, как содержать – не было инструкции. Пришлось доложить царю. И вот получили распоряжение от самого царя – на кипяток и черный хлеб! Потом, уже после Октябрьской революции обнаружилось документы, гласившие, что обо всей нашей жизни царю доносили ежемесячно.

От этой пищи мы страшно исхудали, показались ребра, стали пухнуть ноги, началась цинга, а вскоре появились кровавые пятна на ногах. Когда эти пятна поднимались до живота, человек умирал.

Моя опухоль поднималась к животу месяца два. И вот однажды отворилась дверь, и ко мне вошел доктор Вильямс. Он осмотрел меня и дал свое веское заключение – цинга. Прописал железо и кружку молока на ночь. Постепенно цинга стала проходить, но ходить на таких изувеченных ногах было невыносимо больно. Однако я предвидел – если лягу и не буду делать попыток вставать и передвигаться, то не встану уже никогда. Так я заставлял себя двигаться, двигаться, двигаться...

На протяжении полутора лет меня (и моих товарищей – я знал об этом по нашей связи) то вгоняли в цингу, то излечивали от нее. Это продолжалось трижды! Третьей атаки половина наших товарищей не выдержала. Поправились Триполев, Фроленко, я и несколько других товарищей. А за это время нам готовили новоселье – в Шлиссельбурге строилась для нас новая тюрьма.

В Алексеевском равелине мы провели три года. Однажды отпирается моя камера, и входит ко мне смотритель в сопровождении жандармов и еще какого-то человека в штатском, который несет цепь, наковальню и какие-то другие приспособления. Меня заковывают по рукам и ногам в цепи и наручники. Затем они пошли к моим товарищам. Я слышал, как их заковывали – такой стоял в наших каменных казематах звон!

Когда они вышли из камер, мы успели немного пообщаться, перемолвиться на ходу. Мы не представляли себе, куда нас отправят – на Сахалин или в Шлиссельбургскую крепость.

Перевозили нас ночью. Опять отворялась дверь, опять волокли нас жандармы. Помню опять берег реки. Нева! Какой-то помост внизу. Первая мысль бросилась в голову – не хотят ли нас утопить в кандалах. Но вскоре обнаружилось, что перед нами баржа, а в ней небольшой люк. Два жандарма подхватили меня и опустили в этот люк. Я очутился в коридоре, освещенный лампочкой, увидел часового, а по сторонам ряд небольших чуланчиков. В один из таких чуланчиков меня и втолкнули. Тут я окончательно понял – нас повезут на барже.

Через каких-нибудь полчаса зашумела за бортом вода. В чуланчике была маленькая форточка, сквозь ко-

торую виднелся кусочек неба. Я смотрел и думал: «Если по дороге будет один мост, то нас везут в море, если в Шлиссельбург, то два моста». Смотрю – проехали один мост, за ним второй. Значит – Шлиссельбург.

Было уже светло, когда баржа остановилась. Два жандарма вытащили меня из люка на палубу. Перед глазами высокий серый бастион, а над воротами надпись: «Государева крепость».

Меня потащили под руки мимо церкви. Отворились ворота, и я увидел новое каменное здание с решетками на окнах. Сперва меня поместили в маленькую камеру на первом этаже. Кандалов не снимали. Затем (примерно через неделю) расковали, и я очутился в небольшом помещении – шага четыре в ширину и шагов пять-шесть в длину. Койка была прикована к стене. Был еще и столик, тоже к стене прикованный.

Так началась моя жизнь в Шлиссельбургской крепости. Первое время нас даже не пускали на прогулку. Затем стали выводить на четверть часа, поодиночке. Месяца через два спросили, не желаем ли мы чего-нибудь почитать. Оказывается, в Шлиссельбургскую крепость была привезена из какого-то ученого учреждения целая библиотека томов в триста, в которой были учебники и книги по всем наукам за исключением политической экономии и социальных вопросов. Вот тогда-то я и набросился на чтение этих книг!

Письменных принадлежностей сначала не давали, но потом стали выдавать пронумерованные тетрадки. Я принялся за работу. Решил изучать все науки, какие только здесь возможно было. Покончив с одной наукой, я принимался за другую. И меня это спасло – нравственно, физически и интеллектуально! Другие товарищи не выдержали пребывания в одиночных камерах. Один из них – Грачевский, – воспользовавшись тем, что в камере была керосиновая лампа, облил свою койку керосином, бросился на нее ничком и сгорел заживо раньше, чем жандармы успели обнаружить дым.

Другой наш товарищ, Мышкин, бросил тарелкой в смотрителя, за что и был расстрелян.

Щедрин и Конашевич сошли с ума.

Тогда нам разрешили ходить на прогулку вдвоем и увеличили время прогулок. Но самое главное – нам устроили мастерскую, в которой разрешили работать. Это была переплетная мастерская, в которую нам привозили книги, преимущественно научного содержания.

Так и шло наше время.

Получив возможность читать, писать и вычислять, я принялся за разработку тех мыслей, которые у меня возникали при чтении различных книг.

Первой моей научной работой было определение времени Апокалипсиса. В этой книге я нашел много мест, посвященных астрономии. Я произвел расчеты и пришел к выводу, что «Апокалипсис» написан не в 70-х годах первого столетия нашей эры, а в 395 году и завершён 30 сентября. Таким образом, его авторство принадлежит вовсе не Иоанну Богослову, а Иоанну Златоусту. Это первое, что навело меня на мысль о пересмотре истории.

Под этим астрономическим углом зрения я стал изучать Библию и Книгу Пророков. И увлекся. Систематические научные занятия стали нормой моей тюремной жизни. И спасли меня. Благодаря им я уцелел. Так я учился, мыслил и жил четверть века!

Освобождение из тюремной крепости произошло через 25 лет, в октябре 1905 года. На прогулку вдруг

явился жандарм и объявил, что меня вызывают в первый огород. Иду. Вижу – там собрались уже все мои товарищи. Стоит комендант и спрашивает:

– Все ли собраны?

– Все! – ему отвечают.

И тогда он нам объявляет манифест государя императора. Согласно манифесту, те, которые сидят здесь свыше десяти лет, отпускаются на свободу, а те, кто менее десяти лет, – отправляются на поселение в Сибирь.

– Но, – заявляет комендант, – это будет не сразу и не сейчас, а дня так через три, когда мы все подготовим для вашей отправки. А теперь я предлагаю тем из вас, кто писал в заключении (говорит и на меня смотрит), вот, например, номеру четыре (а это мой тюремный номер) сдать научные труды мне на просмотр. Что будет можно, я на волю выпущу.

Так как у меня была целая кипа тетрадей, которые, если их сложить в столбик, доходили бы до пояса, я решил, что если я ему их дам, он их мне ни за какие просьбы не вернет. Да и как ему за два дня просмотреть такое число страниц! А в моих тетрадях чисел было больше, чем текста. Еще подумает, будто я шифровкой пользовался. Поэтому я пошел в мастерскую, сделал ящик для того, чтобы спасти свои тетради. Однако крышку я не прибивал, а взял ящик к себе в камеру.

Через два дня явился комендант и спрашивает:

– Почему вы не представили для просмотра тетради? Раз они мною не проверены, значит, они здесь и останутся.

Я ему отвечаю, что даже для беглого просмотра их нужен целый месяц, не менее.

Тогда комендант подумал и говорит:

– Вы ведь приедете в Петербург и не сразу попадете на свободу. Отправлю-ка я все это в Петропавловскую крепость в запечатанном виде в распоряжение коменданта Петропавловской крепости.

На том и расстались.

Через два дня после моего перевода вновь в Петропавловскую крепость открывается дверь камеры, жандармский офицер с порога объявляет:

– Вас на свидание.

Оказывается, это было свидание с моей сестрой Верочкой! Встреча с ней состоялась в кабинете самого коменданта. Комендант, завидев меня, говорит:

– Вот и ваша сестра.

Потом положил на стол часы и уже более холодным, казенным тоном произнес:

– Вам дается для разговора двадцать минут.

А сам сел у другого конца стола. Я стал расспрашивать Верочку о ее жизни, о наших родных, а затем кратко поведал о жизни своей. Потом обращаюсь к коменданту и говорю:

– Генерал, у меня масса научных работ была написана за годы моего пребывания в Шлиссельбургской крепости. Нельзя ли их передать моей сестре?

Генерал тотчас позвонил в колокольчик. Появился унтер-офицер. Комендант Петропавловской крепости строго спрашивает этого унтер-офицера:

– Что, с Морозовым привезли какие-нибудь вещи?

– Как же, как же, Ваше превосходительство, целый ящик, запечатанный печатью коменданта Шлиссельбургской крепости.

– Значит, там ничего вредного нет. Передайте этот ящик даме. Она может взять его с собой.

Таким образом, мои сочинения уцелели благодаря тому, что два коменданта поочередно спихивали с себя ответственность!

Выпустили меня на свободу. Радости моей не было границ, но сразу же появились и границы – мне было разрешено проживание в Петербурге, с тем чтобы я каждое утро ходил в отделение и получал паспорт на каждый день. Так я прожил две недели!

Я поделился своими горестями с одним знакомым адвокатом, защищавшим в ту пору политических. Он поехал в Сенат и стал доказывать, что я выпущен на свободу безо всяких ограничений. У него были связи, знакомства, и ему удалось познакомиться детально с новыми положениями о выпущенных на волю. В итоге пришлось обратиться к министру юстиции Щегловитову. Тот вошел в мое положение и приказал, чтобы мне выдали паспорт на три месяца с тем, чтобы я в течение этих трех месяцев приписался бы к одному из привилегированных сословий и получил постоянный паспорт.

Получив временный паспорт, я отправился к себе на родину в Мологский уезд, в город Мологу. В этом городе жили четыре мои сестры с мужьями, которые были хорошо известны местному начальству. Сейчас же мне представили мещанского старосту с тем, чтобы он приписал меня к мещанам города Мологи и выдал документ на жительство. Староста этот сказал, что он считает для себя честью приписать человека с такой судьбой, как у меня, к мещанскому сословию. Вскоре меня прописали и выдали постоянный паспорт и свидетельство мещанина города Мологи.

После того как я был выпущен из Шлиссельбургской крепости, все тогдашние либералы хотели со мною познакомиться. За это время я приобрел массу новых знакомых. Так я познакомился и с моею будущей женой – племянницей писательницы Марии Валентиновны Ваксон.

Переехав в Петербург, я сразу же вошел в круг ученых. С этих лет стали издаваться мои книги. Вот некоторые из них: «Откровение в грозе и буре», «Периодические системы строения вещества», «Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего», «В начале жизни», «Из стен неволи», «Основы качественного физико-математического анализа», «Законы сопротивления упругой среды движущимся телам», «Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики», «В поисках философского камня», «На войне» (об этой книге хочу сказать особо – это мои воспоминания о втором году Первой мировой войны, мне довелось побывать на передовых позициях), «Повести моей жизни» и многие другие.

Немало я работал и как редактор, организатор ряда изданий. Под моей редакцией выходили такие книги, как «Введение в дифференциальное и интегральное исчисления и дифференциальные уравнения», «Техническая энциклопедия» и, наконец, «Детская энциклопедия».

Одной из наиболее значительных моих работ была книга, вышедшая в свет под названием «Христос», – это история народов в свете естествознания. Название придумал не я – у меня был другой вариант – длинный

и слишком наукообразный. Мой издатель – Ионов – обратил внимание на то, что у меня очень много упоминаний о христианстве, и посоветовал в целях привлечения читательского внимания назвать мое сочинение «Христос».

Так в книгах началась моя новая жизнь. Жена моя, по призванию актриса, посвятила свою жизнь моей работе. Она помогла мне во всем, читала корректуры и даже научилась делать для меня кое-какие вычисления.

В настоящее время я работаю над применением астрономии к метеорологическим явлениям. Я пришел к заключению, что наша погода зависит не только от перемены солнца, но и от всего нашего галактического космоса. Для доказательства этого тезиса нам придется переделывать все метеорологические таблицы с солнечного времени на звездное. Эта работа представит большие трудности, но провести ее совершенно необходимо для определения влияния галактики на метеорологические явления и даже землетрясения. Землетрясения вообще, по моему убеждению, бывают тогда, когда местность подвергается притяжению галактики при суточном вращении земного шара.

Кабинетная работа не стала для меня единственной. После выхода из Шлиссельбургской крепости я сразу же познакомился с Лестафтом, который пригласил меня читать курс химии. Так я стал профессором химии, начал свою преподавательскую деятельность.

Вместе с тем я немало ездил по России, читал лекции по самым разным отраслям знаний, в том числе, кстати, и по авиации. Читал даже лекцию в авиационном училище о культуре и научном значении воздухоплавания.

В Академии наук СССР я являюсь почетным членом. Я представил туда четыре научных труда: «О частоте землетрясений», «О влиянии электромагнитного и магнитного поля планет на устойчивость их орбит», «Об aberrации и вращении наблюдательной базы» и о том, что сила тяготения распространяется со скоростью света.

Да, я посвятил свою жизнь исключительно научной деятельности, в которой вижу главное орудие для будущего счастья человечества. Насколько хватит сил, и сейчас отдаю все свое время и все силы науке, и мне часто вспоминается стихотворение, которое я повторял еще в юности много раз:

Догорает свеча, догорает,
а другого светильника нет.
Пусть мой труд остановки не знает,
пока длится мерцающий свет.

Пусть от дремы, усталости, скуки
ни на миг не померкнет мой взгляд.
Пусть мой ум, мое сердце и руки
сделать все, что возможно, спешат.

Чтоб во сне меня мысль утешала,
что последняя вспышка ума,
что последняя искра застала
за работой полезной меня.

Вот и судите сами, одна жизнь мною прожита или две! Все-таки, наверное, – одна, потому что нет революции без науки и нет науки без революции.